

Внутренние покои он миновал, тяжело опираясь на плечи слуг. Едва добравшись до порога, Бай Чэнцзюэ жестом приказал им удалиться. Горло тут же сдавило сухим, надсадным кашлем.

— Не угодно ли князю, чтобы мы призвали дворцового лекаря для осмотра? — робко спросил слуга.

Чэнцзюэ лишь слабо качнул головой:

— Старый недуг. Ни к чему это.

Слуга почтительно поклонился и попятился назад. Стоило дверям затвориться, как напускная немощ князя испарилась без всяких лекарств.

Кашель мгновенно утих. Мужчина вытер большим пальцем струйку крови, успевшую стечь до подбородка. Во рту стоял приторный, удушливый вкус железа. Язык онемел, глубокий прикус почти не болел, но рана продолжала кровоточить.

Сняв тяжелую железную маску, Чэнцзюэ подошел к тазу и тщательно прополоскал рот прохладной водой, смывая багровую муть.

Е Гуй, бесшумно возникший за спиной, протянул ему чистый платок:

— Вытрите лицо, господин.

Забрав платок, Чэнцзюэ промокнул уголки губ и обернулся. Тень смотрел на него с нескрываемой тревогой. Заметив этот взгляд, князь развернул испачканную ткань:

— Успокойся, это не горловая кровь. Я просто прикусил язык.

Е Гуй уставился на алые пятна, непроизвольно сжав кулаки.

— Больно?

Чэнцзюэ лишь снисходительно улыбнулся и качнул головой, но Тень только крепче сжал губы. Он всё ещё был встревожен.

— Столько лет ты служишь моей тенью, — усмехнулся князь Минь. — Тебе бы сокрушаться о собственной горькой доле, а ты печешься обо мне — изнеженном принце, который всю жизнь купается в роскоши.

— Не стань я вашей тенью, господин, меня бы давно не было в живых, — тихо, но твердо

ответил слуга.

Чэнцзюэ отмахнулся:

— Ладно тебе. Знаешь ведь, что я терпеть не могу лести.

— Каждое мое слово — чистая правда!

Глядя на верного стража, Чэнцзюэ тепло улыбнулся. Мягкий свет, пробивавшийся сквозь бумажные оконные рамы, золотил его лицо, подчеркивая безупречные, словно высеченные из драгоценного нефрита черты. Он присел на высокий табурет и взглянул на Е Гуя снизу вверх. В этот миг его красота казалась почти неземной.

— Как только смута при дворе утихнет, ты получишь свободу, — негромко произнес Чэнцзюэ.

Е Гуй с трудом сглотнул слюну и тихо позвал:

— Господин...

— Хм?

— Когда трон под молодым императором укрепится... что станет с вами?

Чэнцзюэ посмотрел на розоватую воду в тазу. Нарушенная рябью гладь отразила его бледное лицо. Князь едва заметно и горько усмехнулся.

— У меня тоже будет свой путь.

Е Гуй отвел взгляд. Эти слова прозвучали так, словно его господин больше не ждал от жизни ничего хорошего. И впрямь: если отбросить бесконечные дворцовые интриги, в которых князь Минь добровольно стал ключевой фигурой, единственным близким человеком для него оставалась старшая сестра — Верховная принцесса.

Решив сменить тему, Тень спросил:

— Господин, сегодня вечером начнется Праздник фонарей. По вашему уговору Верховная принцесса покинет дворец на закате. Кого направить для ее тайной охраны?

— Раз уж я вернулся в поместье, то сопровожу старшую сестру сам, — Чэнцзюэ на мгновение задумался, а затем добавил: — Пусть Сюэ Бэйван прислуживает нам открыто. Ты же оставайся в тени. Ее безопасность превыше всего.

При звуках этого имени Е Гуй изумленно вскинул голову:

— Но господин! Даже если мы пока не можем прикончить этого человека, зачем держать его подле себя? Это слишком опасно.

Чэнцзюэ осторожно коснулся кончиком языка раны во рту — укусы и впрямь оказались глубокими.

— Князь Янь лично явился ко мне и навязал этого пса. Разве у меня был выбор?

— Сторонники князя Чжао совсем обнаглели! — зло процедил Е Гуй.

— За последние годы мы уничтожили большую часть их клики, но у этих двоих все еще осталась часть войск, — спокойно рассудил Чэнцзюэ. — Яньцю еще слишком молод, его крылья не окрепли, но это лишь вопрос времени. Если наши мятежные братья не сделают свой ход сейчас, позже у них просто не останется шансов захватить власть. Они в отчаянии, а значит, маски сброшены. Церемониться больше не с кем.

Е Гуй нахмурился:

— Неужели мы позволим им помыкать нами?

— Сегодня Праздник фонарей. Улицы будут забиты народом до отказа, — князь холодно улыбнулся. — А там, где появляюсь я, вечно случаются неприятности. Уверен, эта ночь не обойдется без кровопролития.

— Понял. Я подготовлю людей.

Чэнцзюэ тихо вздохнул, коснувшись пальцами холодного металла шлема:

— Жаль... Я так хотел показать сестре праздник, но всё опять закончится резней.

— Но если вы поступите так, не придет ли князь Янь снова с расспросами? — засомневался Тень.

— Скажем, что на нас напали убийцы, а верный слуга Ванбэй до последнего защищал своего господина и пал смертью храбрых, — Чэнцзюэ обернулся к Е Гую и тихо, зловеще рассмеялся. — Я лично доставлю его холодный труп к порогу старшего брата и прилюдно поблагодарю за то, что его бесценный подарок спас мне жизнь. Князь Янь сам привел этого раба в мое поместье на глазах у толпы слуг и вынудил взять на службу. Если парень погибнет в бою с разбойниками, кто посмеет обвинить меня в его смерти?

По тону хозяина Е Гуй понял: приговор вынесен. Если бы князь Янь сегодня не появился в поместье с угрозами, Чэнцзюэ, возможно, еще повременил бы со смертью Сюэ Бэйвана. Но теперь эта нелепая игра зашла слишком далеко, превратившись в смертный приговор для незваного гостя.

Чэнцзюэ медленно поднялся с табурета.

— Сегодня он не вернется живым.

— Будет исполнено, — Тень бесшумно выскользнул в окно.

Оставшись один, Чэнцзюэ устало прикрыл глаза.

В памяти невольно всплыл образ Сюэ Бэйвана — как тот испуганно застывал под одеялом, боясь вымолвить слово, или как заливался краской каждый раз, когда к нему приближалась обольстительная дева Цзюэюй.

"Жаль. Такая забавная игрушка... Мог бы еще пожить."

Не явись Сюэ Бэйван в поместье князя Миня под чужим именем, Чэнцзюэ с удовольствием продолжил бы эту игру в кошки-мышки в Тереме Сотни Цветов. Но сегодняшний визит князя Яня рассеял последние остатки его праздного любопытства.

Мужчина надел железный шлем и велел позвать Сюэ Бэйвана. По его приказу слуги вынесли кресло в сад. Чэнцзюэ слабо откинулся на спинку, напустив на себя изможденный вид. Шлем скрывал лицо, но вся его фигура, каждый вялый жест прямо-таки кричали о тяжелом недуге.

— Слуга Ванбэй приветствует великого князя, — раздался бодрый голос.

Чэнцзюэ лениво шевельнул пальцами:

— С этого дня будешь прислуживать мне здесь, во внутреннем дворе.

Сюэ Бэйван радостно взглянул:

— Неужто сразу в личные слуги записали? — Он простодушно потер ушибленный зад и пробормотал себе под нос: — Значит, побои я терпел не зря.

— Что ты там бормочешь? — Чэнцзюэ прищурился из-под шлема.

— Я говорю, великая честь для меня, ничтожного! Видать, предки мои на том свете добрые

дела вершили, раз сподобился я пред очи князя предстать!

"И надо же — принц царства Чэнь, а ради выгоды готов ползать в грязи и льстить без зазрения совести".

Чэнцзюэ мысленно вздохнул и слегка приподнял подбородок, безмолвно указывая взглядом на чайный прибор. Однако Бэйван продолжал стоять столбом, бесцеремонно уставившись на хозяина.

— Люди князя Яня на редкость тупы, — холодно процедил Чэнцзюэ.

— Чего?

— Ты даже намеков не понимаешь. Мой царственный брат прислал тебя заботиться обо мне или просто решил поиздеваться?

Бэйван лишь глуповато захлопал глазами. Он искренне не понимал, чего от него хотят.

Видя его недоумение, Чэнцзюэ демонстративно зашелся сухим кашлем. На этот раз новоиспеченный слуга проявил чудеса сообразительности: подскочил сзади и замахнулся ладонью, намереваясь хлопнуть князя по спине.

Чэнцзюэ резко уклонился и с брезгливостью ударил его по руке:

— Как ты смеешь прикасаться ко мне своими грязными лапищами, жалкий червь?!

"Похоже, я опять всё испортил," — обреченно подумал Бэйван. Сжав кулаки, он заставил себя сделать глубокий вдох, утихомиривая вспыхнувшую злость, и натянул на лицо подобострастную ухмылку:

— Простите дурака, господин. Виноват.

— Ладно уж. Раз твой прежний хозяин не сумел обучить тебя манерам, этим займусь я, — надменно бросил князь.

Бэйван покорно склонил голову. Он до сих пор не знал наверняка, был ли тот таинственный мужчина в бамбуковой шляпе князем Янем. Тот действительно помог ему подобраться к цели, но, судя по всему, легкой жизни в этом поместье ждать не приходилось.

Чэнцзюэ снова тихо кашлянул. Слуга не шелохнулся.

Тогда князь резким движением смахнул со столика изящную пиалу. Фарфор с сухим звоном разлетелся вдребезги у ног Бэйвана, заставив того испуганно отпрянуть, чтобы не порезать сапоги.

— На колени, — ледяным тоном скомандовал Чэнцзюэ.

Улыбка мгновенно сошла с лица Бэйвана. Он шагнул вперед и тяжело навалился руками на подлокотники княжеского кресла, нависнув над Чэнцзюэ так близко, что тот мог почувствовать его горячее дыхание.

— С какой стати?! — прорычал он.

— Что, решил поднять руку на своего господина? — Чэнцзюэ встретил его яростный взгляд с полным равнодушием, хотя под пальцами Бэйвана крепкое дерево подлоконтника жалобно затрещало. — Запомни: если тебе здесь не нравится, проваливай обратно к своему князю Яню. В Поместье князя Миня рабам, замышляющим бунт, не место.

Бэйван смущенно облизал губы и медленно убрал ладони, опустив взгляд на собственные колени.

"Я — седьмой принц великого царства Чэнь! Да ни за что на свете я не преклоню колени перед этим высокомерным калекой, даже ради планов брата! Ноги обнять — это куда ни шло, но целовать пол — увольте!"

Бэйван кашлянул, до боли зажмурился, а когда открыл глаза, они были красными от натуги. Резко шмыгнув носом, он внезапно выбросил руки вперед и намертво вцепился в запястья Чэнцзюэ.

Князь вздрогнул. Под железным шлемом отразилось искреннее изумление. Он на миг засомневался: уж не перегнул ли он палку? Вдруг этот дикарь сейчас сорвется и просто придушит его? Парень снова посмотрел с тем самым яростным огнем, обещавшим стереть Чэнцзюэ в порошок.

— Господин! Если я в чем-то виноват, только укажите — я всё исправлю! — запричитал Бэйван, жалобно шмыгая носом и изо всех сил стараясь придать своему лицу несчастный и покинутый вид. — Только не гоните меня назад! Если князь Янь узнает, что я не угодил вашему высочеству, он же с меня заживо шкуру спустит!

Но в глазах Чэнцзюэ этот спектакль выглядел как чистой воды угроза.

Раб обещал ему своим взглядом скорую и мучительную смерть, а хватка на запястьях становилась всё крепче. Это было не мольбой, а предупреждением: "Отошлешь меня — и я прямо сейчас сломаю тебе кости".

Под железным шлемом Чэнцзюэ нахмурился. Он попытался высвободить руки, но стальные тиски не разжались.

— Матушка всегда учила меня беречь мужскую гордость. На колени я не встану, хоть убейте. Если господину угодно наказать нерадивого слугу — что ж, можете снова высечь меня розгами, я стерплю.

Чэнцзюэ перевел взгляд на свои побелевшие запястья и сквозь зубы процедил:

— Пусти.

— Помилуйте, господин! У меня дома семеро по лавкам да матушка старая! Коли выгоните — нам всем верная гибель!

— А если я откажу, ты мне руки переломаешь? — холодно спросил князь.

Бэйван тут же разжал пальцы и преданно уставился на ноги хозяина:

— Ну что вы! Если князь велит, я могу и колени ваши обнять, мне не трудно.

Чэнцзюэ поспешно выставил руку вперед, пресекая любые поползновения:

— Только попробуй коснуться моих ног — и стража вышвырнет тебя за ворота в ту же секунду.

— Значит, вы передумали отсылать меня обратно в Поместье князя Яня? — обрадовался Бэйван.

— Передумал.

— И на колени вставать не нужно?

Чэнцзюэ язвительно усмехнулся:

— Куда уж там. У рабов князя Яня кости слишком твердые, негоже мне испытывать их на прочность.

— Вы, господин, коли чего надобно, говорите прямо, — облегченно вздохнул Бэйван. — Умишком я не вышел, намеков ваших тонких с первого раза не разумею. Но обещаю: как притремся друг к другу, ни разу обо мне не пожалеете!

"У кого он только набрался этой дурацкой манеры? У Сяо Муцзы?"

Похоже, в окружении Бэйвана было слишком мало слуг, и ему пришлось перенимать повадки у первого попавшегося простолюдина. И всё же в этом принце Чэнь не чувствовалось ни капли благородства. Впрочем, Чэнцзюэ вспомнил собственную роль: изображая обольстительную деву Цзюэюй в Тереме Сотни Цветов, лаская пьяных гостей и услаждая их слух игрой на цине ради крупниц информации, он и сам мало походил на высокородного владыку. На дне жизни нет места гордости.

— Налей чаю, — велел Чэнцзюэ.

— Будет сделано!

Бэйван под чутким руководством князя отыскал фарфоровую баночку с заваркой. Без лишних церемоний он запустил туда пятерню, выудил щепоть чайных листьев, швырнул их в пиалу и небрежно залил крутым кипятком. Чэнцзюэ с содроганием наблюдал за этим святотатством. К этой буре он даже не прикоснется.

В свое время, чтобы стать лучшей Первой красавицей столицы, Чэнцзюэ годами постигал тонкости чайной церемонии, каллиграфии и игры на лютне. Бэйван же оказался на редкость бездарным шпионом. Глядя на это убожество, князь Минь всерьез усомнился, течет ли в жилах парня императорская кровь. Даже сыновья мелких лавочников вели себя приличнее.

Отставив пиалу подальше, Чэнцзюэ со вздохом спросил:

— Скажи на милость, Ванбэй... Что вообще ты делал у князя Яня с такими повадками?

Бэйван замялся. Ухаживать за кем-то ему действительно никогда не приходилось. Но, поразмыслив, он вспомнил о своем главном таланте:

— Кости ломал. Наемником у него был, кулаками махал.

— Так мой старший брат прислал тебя в мое поместье, чтобы ты перерезал мне горло? — небрежно бросил Чэнцзюэ.

От этих слов Бэйван похолодел. По лбу скатилась капля пота, и он поспешно отвел взгляд. Пусть на этот раз приказа убить князя Миня он не получал, но в памяти еще свежо было воспоминание о том, как он сам прокрался в это поместье с мечом в руках.

Заметив его замешательство, Чэнцзюэ прищурился. Пальцы князя крепче сжали многострадальный подлокотник, на котором еще виднелись вмятины от чужих рук.

"Да. Сегодня ночью этот пес должен сдохнуть."

— Да я шучу, — Чэнцзюэ тихо рассмеялся, разряжая обстановку. — Мы ведь с князем Янем родная кровь. Даже если между нами пробежала черная кошка, он не станет так глупо подставляться, отправляя убийцу прямо ко мне в постель.

Князь вздохнул и перевел тему:

— Раз уж из тебя никудышный слуга, то, надеюсь, защищать хозяина ты умеешь лучше, чем заваривать чай?

— В этом мне равных нет, — с облегчением выдохнул Бэйван.

— Сегодня на Празднике фонарей мне понадобится надежный телохранитель. Смотри не подведи меня снова. Помни: если опростоволосишься, позор падет на твоего господина — князя Яня.

<http://bllate.org/book/18210/1750047>